

Т.Ю. Максимова

Художественный мир Цветаевой

В рабочей тетради Цветаевой за 1940–1941 годы есть перевод стихотворения Герша Вебера, строки которого удивительно созвучны ее личной и поэтической судьбе.

На трудных тропах бытия
Мой спутник — молодость моя.

Бегут как дети по бокам,
Ум с глупостью, в середине — сам.

А впереди — крылатый взмах:
Любовь на золотых крылах.

А этот шелест за спиной —
То поступь Вечности за мной.

«Поступь Вечности» действительно все слышнее становится для нас в творчестве Цветаевой. Видимо, с годами эта поступь будет звучать все отчетливее. Цветаева принадлежит к тем художникам, чей вклад в мировую литературу еще предстоит оценить во всей полноте не только читателям, но и исследователям. Слова, когда-то сказанные Цветаевой о Владимире Маяковском, можно с полным основанием отнести к ней самой: «...своими быстрыми ногами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать».

Мощь творчества Марины Цветаевой, масштабность ее дарования, вернее сказать гениальности, только начинают осознаваться по-настоящему. Ныне открываются широкие возможности для знакомства со всем ее творческим наследием. Выходят в свет все новые издания ее стихотворений и поэм, появляются многочисленные публикации ее писем, дневниковых записей, воспоминаний о ней.

В этой связи особую остроту приобретает проблема восприятия читателем цветаевского творчества. Взаимоотношения читателя и поэта, традиционно важные для русской литературы, далеко не безразличны и для Цветаевой. Назовем, к примеру, известное стихотворение «Тебе — через сто лет» (1919), в котором содержится ее обращение к «читателю... в потомстве». Восприняв от своих предшественников ответственное отношение к слову, Цветаева и от читателя ждет того же понимания высокой миссии слова. Она убеждена: не прихотью «изменчивой моды», не тщеславным желанием цитировать то, что «на устах у всех», должен определяться интерес к поэзии. Для Цветаевой «чтение — прежде всего сотворчество». А это готовность к познанию, к нелегкой душевной работе.

Творческий облик Цветаевой необычайно многогранен: самобытный поэт и неожиданный прозаик, оригинальный драматург и тонкий мемуарист, исследователь литературы и глубокий, парадоксальный мыслитель. Истоки такой творческой многоплановости, несомненно, в ее яркой индивидуальности. «Большим поэтом может быть всякий — большой поэт, — писала Цветаева. — Для большого поэта достаточно большого поэтического дара. Для великого самого большого дара — мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремления этого целого к определенной цели, то есть устройство этой цели». Поэт от рождения, она была наделена пытливым умом, неустанно осваивавшим все новые высоты, страстным, «безмерным» сердцем, неутолимой потребностью любить, жадным, никогда не угасавшим интересом к жизни и к людям. Ей было дано глубинное понимание исторических судеб России и мира.

Цветаева вступала в литературу на рубеже веков — в переломную эпоху, с ее все более сгушавшейся атмосферой предгрозя, в эпоху, предвещающую, как сказал А. Блок,

«неслыханные перемены, невиданные мятежи». Поэтов этого поколения — очень разных — объединяло ощущение трагизма того мира, в котором «уют — нет. Покоя — нет».

И Цветаева, как и ее лирическая героиня, никогда не знала покоя. Она выходила навстречу всем ветрам, всем вьюгам и бурям настоящего и грядущего:

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — итальяским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

(1920)

В судьбах многих поэтов того поколения отразилась драма истории. Трагическим был уход Александра Блока и Николая Гумилева, Владимира Маяковского и Сергея Есенина, Николая Клюева и Осипа Мандельштама. Горечь чужбины извелили Константин Бальмонт, Андрей Белый; в вынужденной изоляции на родине оказались Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин. Жизнь Марины Цветаевой как бы вобрала в себя все варианты этих судеб. Ни один роковой поворот времени не обошел ее. «Эхо мира» отозвалось во всей ее судьбе. Поэтому символическое звучание приобретают строки, которые могут быть прочитаны как обращение к читателю будущего:

...Не прогневайся на просторечье
Речей, — не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.

(1922)

Цветаевой действительно суждено было стать летописцем своей эпохи. Тем важнее понять, из какого источника берет начало ее творчество, в чем феномен Цветаевой как поэта. Она изначально проявила себя как незаурядный поэт со *своим*, особым голосом. Выросшая в высококультурной семье, Цветаева с детских лет окунулась в мир древнегреческих трагедий, средневековых рыцарских баллад, русского эпоса. Имена Гомера, Овидия Назона, Гете, других столпов мировой культуры с отрочества слиты с ее жизнью. Классическое наследие Державина, Пушкина, Лермонтова, Тютчева всегда было для нее нравственно-эстетическим ориентиром. Впитала она и поэтический опыт Некрасова, Фета, А.К. Толстого, поэтов-современников старшего поколения — Бальмонта, Брюсова, Анненского. Однако уже первые ее шаги в поэзии отмечены печатью самостоятельного творческого поиска.

Непосредственность восприятия, свежесть впечатлений, незаемность интонации были отмечены критикой и читателями уже по выходе первого цветаевского сборника «Вечерний альбом». Ее лирическая героиня — человек, тонко чувствующий красоту. Для нее притягательны и реальный окружающий мир, и мир фантазии, мечты, вымысла. Ей введомая волнующая радость настоящего, но влечет ее и «область преданий» — будь то историческое прошлое или сны, грезы о несбывшемся. Это сильная, яркая личность. «Я жажду сразу — всех дорог!» — восклицает она. Ею движет стремление «всё понять и за всех пережить!». В одном из ранних стихотворений Цветаевой — «Молитва» — наиболее полно раскрывается обаяние личности ее героини, стремящейся к активному действию. «Жить» для нее значит «идти», «страдать», «мчаться в бой», «вести», все изведать, все испытать. Стихийная сила ее натуры столь велика, что она готова бросить вызов всему миру:

Под свист глупца и мещанина смех —
Одна из всех — за всех — противу всех! —
Стою...

(1921)

Цветаевская героиня дорожит каждым пережитым мигом, каждым впечатлением. И «остановить мгновенье», запечатлеть его становится одним из главных творческих принципов Цветаевой. В предисловии к сборнику «Из двух книг» (1913) она призывает: «Записывайте точнее! Нет ничего не важного!» Это своего рода литературный манифест молодого автора: «Мои стихи — дневник, моя поэзия — поэзия собственных имен». Цветаева не отделяет «внешнее» от «внутреннего», видя во «внешнем» выражение и проявление внутренней сути. Поэту, по ее мнению, необходимы неспешность взгляда, подробность восприятия, пристальное внимание к миру при освоении житейского и духовного пространства. Слово должно запечатлеть все, что дорого и любимо поэтом, — «все это будет делом вашей оставленной в огромном мире бедной, бедной души». И не случайно позднее, в 1930-е годы, обратившись к прозе и мысленно возвращаясь в прошлое, во времена своего детства и юности, к людям, окружавшим ее тогда, Цветаева напишет: «...Я хочу воскресить весь тот мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я не даром жила!» В этом она видит свой художнический долг — долг, продиктованный любовью.

Любовь для Цветаевой и ее героини — «пожар в груди», та самая «единственная новость, которая всегда нова». Эта любовь всеобъемлюща. Любовь открывает поэзию мира. Она раскрепощает, «расколдовывает». Невозможно привыкнуть к вечно новому чуду любви. «Откуда такая нежность?» — восклицает героиня стихотворения 1916 года.

Любовь в цветаевской лирике нежна и проникновенна («У меня к тебе наклон слуха»), безоглядна и истова («Два солнца стынут, — о Господи, пощади! — / Одно — на небе, другое — в моей груди»). Она может быть лукавой игрой (цикл «Комедьянт») и суровым испытанием («Боль, знакомая, как глазам — ладонь»). Она просветленно-мудра («Никто ничего не отнял — / Мне сладостно, что мы врозь!») и трагична («Цыганская страсть разлуки!»). Она может являть твердость духа («Нет, наши девушки не плачут») и сознание обреченности («Поэма Конца»). Однако всегда она знаменует собой щедрость и богатство души.

Важнейшим мотивом в любовной лирике Цветаевой становится мотив «разминовения» родных душ, мотив «невстречи». В цикле «Двое» (1924) выведен непреложный закон: «Не суждено, чтобы сильный с сильным / Соединились бы в мире сем...» Это разъединение поэт воспринимает как глобальную несправедливость, что может грозить миру неисчислимыми бедствиями:

Да, хаосу вразрез Построен на созвучьях
Мир, и, разъединен,
Мстит (на согласьях строен!)
Неверностями жен
Мстит — и горящей Тройей!

Трагического звучания достигает эта тема и в драмах «Ариадна» (1924) и «Федра» (1927). Всегда в «щебете встреч» слышится цветаевской героине «дребезг разлук». И только поэзия дает возможность противостоять неумолимому закону «разминовений» и расставаний. Наперекор земным разлукам слово навсегда сохранит память о дорогом человеке:

...Но — вдохновенный —
Всем пророкочет голос мой крылатый —
О том, как жили на земле когда-то
Вы — столь забывчивый, сколь незабвенный!

(1918)

«Песенное ремесло» для Цветаевой святое. Убежденность в значимости поэтического слова помогала ей выстоять в жизненных испытаниях. Слово спасает душу художника:

Мое убежище от диких орд,
 Мой щит и панцирь, мой последний форт
 От злобы добрых и от злобы злых —
 Ты — в самых ребрах мне засевший стих!

(1918)

Такое понимание творчества как нравственной опоры близко пушкинским представлениям (в стихотворении «Близ мест, где царствует Венеция златая...» поэт сравнивает себя с «ночным гребцом», который песней «умеет услаждать свой путь над бездной волн»).

Для Цветаевой творчество — созидательный акт, противостоящий «бегу времени» и небытию. В стихотворении «Литературным прокурорам» (сборник «Волшебный фонарь») есть такие строки:

Всё таить, чтобы люди забыли
 Как растаявший снег и свечу?
 Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
 Под могильным крестом? Не хочу!

.....

Для того я (в проявленном — сила!)
 Все родное на суд отдаю,
 Чтобы молодость вечно хранила
 Беспокойную юность мою.

(1911)

Труд поэта рассматривается Цветаевой как служение, исполненное высочайшего смысла, озаренное божественным огнем: «Легкий огонь, над кудрями пляшущий, — / Дуновение — вдохновения!»

Творческое горение, непрерывная душевная работа — признак истинности дарования художника. Цветаева удивительно точно находит образ-символ своего огня вдохновения:

Птица-Феникс я, только в огне пою!
 Поддержите высокую жизнь мою!
 Высоко горю — и горю дотла!
 И да будет вам ночь — светла!

(1918)

Поэт, по Цветаевой, противостоит миру косности, духовного мещанства, прагматизма: «Он тот, кто смешивает карты, / Обманывает вес и счет...» Сама стезя поэта, по словам Цветаевой, «не предугадана календарем». В поэте ей дорого мужество преодоления, упорство труда, преданность своему ремеслу и призванию. А само творчество — это напряженная, сосредоточенная внутренняя работа, невозможная без отвержения всех «земных сует»:

Тише, хвала!
 Дверью не хлопать,
 Слава!
 Стола
 Угол — и локоть.
 Сутолочь, стоп!
 Сердце, уймись!
 Локоть — и лоб.
 Локоть — и мысль.

(1926)

Тот же мотив звучит и в цикле «Стол», который по праву может быть назван одой письменному столу. Стол — «письменный вьючный мул» — становится здесь символом охранительной и созидательной силы творчества. Эта сила открывает для поэта все новые

и новые возможности самосовершенствования, не позволяет душе поэта «ожесточиться, очерстветь».

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что, ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

(1933)

Цветаева видит в поэте черты воина и защитника, стоящего на страже подлинных ценностей. Взыскую истины, он платит за ее познание своим сердцем, своей жизнью.

Поэт наделен особым духовным зрением. Он способен проникать в будущее с такой же свободой и легкостью, как в настоящее и прошлое. Пророческий дар, которым отмечена настоящая поэзия, в высшей степени присущ и цветаевской музе. В одном из стихотворений 1918 года есть такие строки:

Знаю всё, что было, всё, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

Цветаева многое провидела — ив своей собственной судьбе, и в судьбе любимых ею людей. Одно из ее сбывшихся пророчеств — в стихотворении «Я с вызовом ношу его кольцо...» (1914), посвященном мужу, С. Эфрону. В нем — гордость за другого человека, восхищение рыцарственностью его души. В то же время поэт предчувствует его поистине драматичную судьбу. Цветаева рисует сложный, полный противоречивых черт образ. Символическое значение приобретает описание внешности героя: «Безмолвен рот его, углами вниз, / Мучительно-великолепны брови». Определение «безмолвен рот» передает стремление героя выразиться, самопроявиться, его жажду высказаться и невозможность высказать. Трепетно и нежно звучащая нота: «Он тонок первой тонкостью ветвей» сменяется трагической: «Под крыльями раскинутых бровей — / Две бездны». За кажущейся хрупкостью героя автору видится непоколебимая внутренняя готовность к жертве: «Такие — в роковые времена — / Слагают стансы — и идут на плаху». «Роковые времена» наступят скоро. И адресату стихотворения в самом деле выпадет взойти «на плаху» собственных идеалов и заблуждений, обретений и потерь — и в конце концов расплатиться за все собственной гибелью.

В лирике Цветаевой много стихотворений, посвященных ее дочери Ариадне (Але). Попыткой заглянуть в будущее можно назвать небольшое стихотворение, напоминающее краткую, но выразительную дневниковую запись, пронизанную ощущением покоя и умиротворенности:

Девочка! — Царица бала!
Или схимница — Бог весть! —
Сколько времени? — Светало.
Кто-то мне ответил: — Шесть.

Чтобы тихая в печали,
Чтобы нежная росла, —
Девочку мою встречали
Ранние колокола.

Если в цикле «Стихи о Москве» (1916) о собственном появлении на свет Цветаева говорит: «Спорили сотни колоколов», то здесь звонят «ранние колокола», встречая душу смиренную и кроткую. С юных лет Аля стала верным товарищем матери, поддерживая ее в самые тяжкие минуты. «Мой тайный советник — дочь», — называет ее Цветаева в очерке «История одного посвящения» (1931). В цикле «Але» (1918) главенствует мотив глубокого духовного родства матери и дочери — родства не только по крови, но и по внутренней

сути. Поэт обращается к дочери (в то время ей еще не было шести лет) как ко взрослому человеку, в котором она с горькой радостью видит сходство с собой:

Не знаю, — где ты и где я.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

Без дома, без защиты «две странницы» тем не менее не чувствуют себя обделенными. Общая беда придает им силы:

И так хорошо нам вдвоем —
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали — поем,
Две странницы: кормимся миром.

Пройдут годы, и «тихая в печали» Аля мужественно и с достоинством примет все удары судьбы.

Ощущение внутреннего родства, родства душ всегда было для Цветаевой одним из самых радостных. Но вместе с тем ее жаждущая душевного тепла «душа, не знающая меры», мучительно переживала каждое столкновение с косностью, заурядностью, малодушием. В одном из писем она горько признает: «Друг, я не маленькая девочка (хотя в чем-то никогда не вырасту), обжигалась, горела, страдала — все было, — но так разбиваться, как я разбилась о Вас, всем размахом доверия — о стену! — никогда! Я оборвалась с Вас, как с горы...» Непонимание, невнимание, нечуткость больно отзывались в ее сердце. С годами чувство одиночества, отчужденности лишь усиливалось. Знаменательно, что героиня стихотворения «Тебе — через сто лет», тоскуя по настоящей любви и по участию, обращается к тому, кто будет жить после нее. Он, верит героиня, сумеет понять ее лучше тех, кто когда-то был рядом с ней. Подлинно трагическим мотив одиночества становится в период эмиграции, когда все больше начинает значить для Цветаевой вовремя протянутая дружеская рука.

Тем дороже было для нее всякое проявление внимания и доброты. Ее героине довольно и малости — будь то «нежное имя», или «письма, чтоб ночью целовать», она умеет быть благодарной за то светлое, что дарует ей жизнь, за каждую крупинку тепла и сострадания. И это — единственное достояние ее тоскующей, страдающей, страждущей души:

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

(1920)

Роковым оказалось движение Цветаевой «по людскому цирковому кругу». Не в силах вырваться из него, в последние дни жизни она металась по нему и погибла, и одна из причин этой трагедии в том, что окружающие дали ей погибнуть. Еще в эмиграции Цветаева сказала: «Здесь я не нужна. Там я невозможна». И этот мучительный разрыв между «здесь» и «там» ей не удалось преодолеть. Провидческими оказались строки, написанные ею в 1911 году:

Я слишком ясно поняла:
Ни здесь, ни там...
Ни здесь, ни там...

Тема трагического ухода Цветаевой из жизни — предмет отдельного разговора. «Что нам известно, — пишет М. Белкина в книге “Скрещение судеб”, — что нам дано знать о тех терзаниях, тоске, отчаянии, сомнениях, которые раздирали душу Марины Ивановны

в последние елабужско-чистопольские дни!.. Нам остается только низко склонить голову перед мукой ее, перед страданиями, которые выпали ей на долю...»

«...Большое видится на расстояньи», – сказал С. Есенин. И нынешний читатель пристально вглядывается в цветаевскую поэзию, пытается освоить те «джомолунгмовы» вершины, на которых так свободно дышалось Цветаевой. Сумеет ли мы услышать голос поэта, внять ему?

Сама Цветаева верила, что ее диалог с читателем не будет прерван, и когда-то, «в нужный срок», ее слово отзовется в сердцах других. Этот час настал. Но он в самом начале...